

А.В. Мельченко

аспирантка сектора искусства стран Азии и Африки

Государственного института искусствознания

am.studiomir@gmail.com

ЛУРИСТАНСКИЕ КОЛЧАННЫЕ НАКЛАДКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АТРИБУЦИИ

Металлические колчаные накладки Луристана (IX-VII вв. до н. э.) относятся к изделиям круга «типичных» луристанских бронз – наиболее выразительным художественным произведениям местной металлургии. Эти оригинальные декорированные предметы военной экипировки, находящиеся в коллекциях ведущих мировых музеев, практически не освещены ни в зарубежной, ни в отечественной историографии. Исследование находок осложняется тем, что почти все они обладают статусом неизвестного происхождения. Анализ декора единственного образца, обнаруженного на раскопках, и пластин, приобретенных музеями и частными коллекционерами у дилеров, позволяет наметить три стилистические линии изделий. Цель статьи – определить место луристанских колчаных накладок в контексте археологии и искусства древнего Ирана, проанализировать художественные особенности трех стилистических групп предметов, уточнить их атрибуцию, рассмотреть возможные функции.

Ключевые слова: Луристан, луристанские бронзы, колчаны, накладки колчанов, древнее оружие, искусство древнего Ирана, искусство древнего мира, древний Иран

The metal quivers' covers of Luristan (9-7 BCE) belong to the objects of "typical" Luristan bronzes – the most prominent artistic works of local metallurgy. These original decorated plaques of military equipment are in the collections of world museums and practically not covered in either international or Russian historiography. The study of these objects is complicated by the fact that almost all of them have the status of unknown origin. Analysis of the decor of the only plaque found during the controlled excavations and quivers' covers purchased by museums and private collectors from dealers allows to trace three stylistic lines of objects. The purpose of the article is to determine the place of Luristan quivers' covers in the context of archeology and art of ancient Iran, to analyze the artistic features of the three stylistic groups of objects, to clarify their attribution and to consider their possible functions.

Keywords: Luristan, Luristan bronzes, quivers, luristan quivers' covers, ancient armour, Iranian art, ancient Iran

В IX-VII вв. до н. э. на западе Иранского плато, в современной области Луристан, существовала культура, представленная своеобразными металлическими изделиями, получившими в науке понятие «луристанские бронзы». Хотя луристанская металлургия насчитывала не одно тысячелетие, наиболее примечательны с исторической и художественной точки зрения предметы, создаваемые торевтами в IX-VII вв. до н. э, в так называемую фазу «типичных» луристанских бронз, характеризующуюся такими видами произведений, как штандарты, дисковидные и кареобразные ажурные булавки, фигуративные псалии и упряжные кольца, выполненные в весьма специфическом стиле.

Среди предметов данной группы выделяются накладки колчанов – бронзовые декорированные пластины длиной в среднем 45-60 см, которые, вероятно, нашивались на кожаные чехлы. Поскольку данные элементы значительно утяжеляли колчан, вероятнее, что накладки использовались не в бою, а в особых случаях, например, в качестве парадного воинского аксессуара. Не исключено, что они подвешивались на ассирийский манер к колесницам с помощью цепей, продетых через отверстия в верхней и нижней кромке предметов [Moorey, 1975, p. 26]. В этом случае они могли выполнять

А.В. Мельченко *Луристанские колчаные накладки:
исторический контекст и вопросы художественной атрибуции*

магическую защитную функцию, быть чем-то наподобие эгиды. Также следует добавить, что в древности парадное оружие и аксессуары были эквивалентны ритуальным, использовавшимся человеком в особо значимых ситуациях [Горелик, 2003, с. 10].

Несмотря на множество изобразительных свидетельств использования колчанов, представленных новоассирийскими и более поздними ахеменидскими рельефами царских дворцов, в контексте археологии Ближнего Востока подобные находки встречаются редко. Их малочисленность может объясняться тем, что большая часть изделий изготавливалась из недолговечных материалов. Например, в Месопотамии, откуда происходят ассирийские изображения батальных сцен, в которых нередко фигурируют колчаны, в крепости Саламансара III в Нимруде (IX в. до н. э.) был обнаружен единственный образец с гладкой поверхностью [Oates, 1961, p. 13].

Наиболее высока концентрация колчанов в археологических памятниках на территории Урартского царства: только из древнего поселения Кармир-блур происходит 18 медных и один железный колчан [Кастеллучча, Дан, 2016, с. 74], многие из которых содержат дарственные надписи, позволяющие достаточно точно датировать предметы. Помимо экземпляров, декорированных линейным и зигзагообразным орнаментом, примечательны пластины, содержащие фигуративные сцены – изображения шествующих животных (львов и быков) и колесниц, запряженных лошадьми, управляемых воинами. Эти изделия датируются концом VIII – началом VII вв. до н. э. [там же, с. 81]. В целом, традиция украшать царские колесницы и колчаны пластинами с изображениями мифологических демонов и зверей впервые появляется в Ассирии и восходит к царствованию Ашшурнацирапала II (883-859 до н. э.) [Moorey, 1975, p. 20].

В контексте археологии Ирана все известные в настоящее время накладки колчанов происходят из северо-западной части плато за исключением не документированной детально пластины из Суз, описанной П. Кальмейером [Calmeyer, 1969, p. 87]. По свидетельству немецкого исследователя, предмет длиной 60 см разделен рельефными линиями на три фриза, состоящих из пяти полос, в четырех из которых содержатся ряды выпуклых точек. Шесть бронзовых фрагментированных накладок конической формы было обнаружено в некрополе Марлик в провинции Гилан [Negahban, 1996, vol. 1, p. 283]. Декор этих изделий представляет собой вариации простого геометрического узора: поверхность двух фрагментов, вероятно, изначально составлявших одно целое, сплошь покрыта горизонтальными рядами рельефных точек. Другая пластина украшена вертикальной линией из равномерно расположенных полусфер. Еще один экземпляр оформлен круглыми выпуклостями, образующими треугольник, дополненный сверху волнистыми и прямыми линиями. В могильнике Тул-е Талыш был обнаружен бронзовый колчан с двумя подвесными петлями, декорированный полосами с зигзагообразным орнаментом. Немецкий исследователь К. Пиллер привел убедительные доводы, что предмет следует относить к изделиям, скорее, урартских, а не иранских мастерских, и датировать концом VIII в. до н. э. (зигзагообразный мотив появляется в репертуаре урартского искусства приблизительно в этот период) [Piller, 2010, p. 67]. Из крепости Хасанлу на юге озера Урмия происходят три медные и одна железная пластины [Muscarella, 1989, p. 26]. Железный образец украшен изображениями животных и сценами охоты на оленя [Piggot, 1989, p. 75].

Из луристанских колчаных накладок, находящихся в мировых музейных и частных собраниях, только один экземпляр был обнаружен при археологических раскопках – это пластина из Вар Кабуда (Западный Луристан, на границе с современным Ираком) [Haerinck, Overlaet, 2004, p. 52], декорированная, по выражению археолога Луи Ванден Берге, в «ассирийском» стиле [Vanden Berghe, 1968, p. 168]. Исследования показали, что памятник относится к VIII-VII вв. до н. э. Находка дала основание ученым размышлять о возможном существовании центра производства колчанов в районе Вар Кабуда. Следует отметить, что оформление этой обкладки включает в себя чеканный узор в виде ряда розетт, напоминающий ассирийский, четырехъярусные фризы, похожие на урартские, и декор из горизонтальных рядов выпуклых точек, характерный для марликских

накладок. Оформление образца из Суз по описанию также во многом соответствует пластине из Вар Кабуда. Таким образом, «колчан» из Вар Кабуда, соединивший в себе декор из искусства четырех потенциальных источников (Ассирии, Урарту, Марлика и Суз), в равной степени мог быть изготовлен в одной из этих мастерских и являться импортированным в Луристан товаром. Следовательно, гипотеза, что центр производства колчанов, характеризующихся геометрическими узорами, располагался именно в Вар Кабуде, малоперспективна. Отчасти это подтверждает уникальность образца, поскольку других подобных находок в обширном некрополе найдено не было.

Вторая группа луристанских колчаных накладок в основном представлена экземплярами с изображением отдельных лучников и многофигурных батальных сцен, копирующих новоассирийский дворцовый рельеф. Однако наряду с ними встречаются пластины с иным сюжетным содержанием, созданные под влиянием вавилонского искусства: герой (предположительно, Гильгамеш), доминирующий над парой копытных, охота на льва. По сведениям французской исследовательницы и коллекционера Й. Малек, посетившей Луристан в 1950-х гг. с целью приобретения местных древностей, эти вещи происходят из некрополей, расположенных на западе Луристана вблизи иракской границы, неподалеку от иранского поселения Каср-и Ширин [Maleki, 1964, p. 2]. Впоследствии, колчаны данной группы в научных публикациях начали называть «ассиро-вавилонскими» [Calmeyer, 1969, p. 84; Moorey, 1975, p. 21].

Ассиро-вавилонские (или ширинские) изделия характеризуются «метоным» принципом композиционного построения: сцены или эпизоды распределены равномерными «кадрами» вертикально по всей поверхности пластины и отделены друг от друга рельефной горизонтальной линией. Следует отметить, что существует несколько экземпляров, фактически дублирующих друг друга: верхний регистр (или «метопа») демонстрирует осаду крепости, в середине показано двое идущих навстречу друг другу лучников, внизу – охота на страуса. Накладки сохраняют идентичный порядок сцен и различаются только изображением крылатого диска с человеческим торсом в профиль – фаравахаром, символизирующим ассирийского бога Ашшура, как на экземпляре из частной коллекции Боровски. Особенность ширинских изделий состоит в том, что иногда некоторые «метопы» остаются пустыми. С другой стороны, известен смешанный вариант, когда между сюжетами-мифологемами (Древо жизни, противостоящие копытные) появляется «метопа» с изображением лучников.

Среди всех луристанских колчаных накладок неизвестного провенанса «ассиро-вавилонская» группа является наиболее спорной в вопросах подлинности. П. Кальмейер впервые заявил, что крылатый диск с фигурой человека вышеупомянутой пластины был, скорее всего, добавлен современным мастером [Calmeyer, 1969, p. 45]. Эту мысль поддержал и развил американский ученый О. Мускарелла, считавший, что не только диск, но и сцены осады крепости и охота на страуса также были привнесены фальсификаторами для искусственного повышения художественной значимости, а, соответственно, стоимости предмета [Muscarella, 2000, p. 118]. В ряде случаев другие изображения «ассиро-вавилонской» группы обкладок также вызвали у О. Мускареллы сильные сомнения.

С опорой на точку зрения американского исследователя можно предположить, что весь декор был выполнен современными мастерами, поскольку он не соответствует ни одному критерию подлинной древнеиранской тореvтики северо-западного региона. Во-первых, одна из ключевых особенностей местного искусства заключается в отсутствии двух одинаковых по форме и оформлению предметов (это также касается ювелирных украшений, где каждое изделие обладает своими уникальными художественными характеристиками). Исследования археологических примеров показывают, что тореvты, видимо, сознательно избегали абсолютных повторений, подчеркивая уникальность каждого произведения за счет мельчайших деталей. Во-вторых, мы не располагаем ни одним североиранским археологическим предметом с изображением осады крепости и лучников «ассирийского» типа в геральдическом положении противостояния, а тем более изображением крылатого диска с вписанной в него антропоморфной фигурой (фаравахаром). В-третьих, сцена охоты на страуса никак не связана с древнеиранским искусством [Ibid]. В-четвертых,

А.В. Мельченко *Луристанские колчаные накладки:
исторический контекст и вопросы художественной атрибуции*

декор «колчанов» создавался, как это присуще и другим предметам металлопластики, в низком рельефе, а затем дорабатывался гравировкой. Однако изображения накладок из Каср-и Ширина в основном вырезаются инструментом на внешней поверхности изделий и механически вписываются в поле «метопы». Наконец, сочетание в рамках одного предмета сюжетов, нетипичных для древнеиранской традиции, усиливает впечатление, что отбор осуществлялся современным художником в соответствии с его представлениями о древнем искусстве Передней Азии. В этом случае фальсификатор стремится создать узнаваемые, знаковые образы в контексте заявленной культуры, придать им «ожидаемые стилистические признаки» [Кононенко, 2014, с. 74].

Следует отметить, что технико-технологическая экспертиза металла нередко подтверждает древность изделий [Muscarella, 2000, p. 83]. Таким образом, технические показатели противоречат данным иконографического анализа, что свидетельствует о практике добавления изображений на поверхность древних предметов, изначально бывших гладкими или в оригинале содержащих иной декор (например, только орнамент).

Наибольшую известность обрела третья группа луристанских колчаных накладок неясного провенанса с изображениями ритуальных сцен, которые по содержанию и стилю сильно контрастируют со всеми перечисленными ближневосточными примерами. Вопреки распространенной точке зрения, в списках находок луристанского святилища Сурх-и Дум подобные бронзовые обкладки или другие декорированные пластины крупных размеров не значились [Muscarella, 1981, p. 329].

Данную группу «колчанов» характеризует, главным образом, ритуально-мифологический контекст. В «метопах» пластин представлен разнообразный репертуар миксаморфных и зооморфных персонажей, включаются архетипические сюжеты (Древо жизни, противостояние животных), схожие с изображениями «вавилонской» линии шириных колчаных накладок. Наиболее дискуссионными являются образы, в которых преломились эламские, хурритские, митаннийские и вавилоно-ассирийские изобразительные черты – это, прежде всего, трехголовое бородатое божество, крылатый персонаж с бородой в длинном платье иногда с прорисовкой личины на туловище, львиноголовый змеевидный монстр с крыльями, бородатое существо верхом на кошачьем хищнике, «жрецы» с кинжалами и в однорогой тиаре. Основанием для хронологической атрибуции IX-VII вв. до н. э. выступило сходство некоторых образов и стилистических признаков с аналогичными изображениями дисковидных булавок, происходящих из святилища Сурх-и Дум, которые достаточно надежно датируются указанным периодом.

Самым репрезентативным, «цитируемым» и первым, о котором узнало научное сообщество памятником данной группы, является накладка из музея Метрополитен¹. Хотя это памятник без провенанса, О. Мускарелла описывает его как «великолепный образец древнеиранской работы, демонстрирующий иконографию и стиль, характерный для северо-западного региона» [Muscarella, 1981, p. 330]. Представленные на нем сцены процессии трехголовых существ, поклонения бородатому божеству с антропоморфной маской на туловище интерпретировались разными учеными с позиции местной касситской религии [Godard, 1931], зороастрийской [Ghirshman, 1963], Р. Дюссо [Dussaud, 1949]) или индоарийской ведической теологии [Dumezil, 1950]. В отношении данной накладки также важно отметить, что образы трехголовых божеств третьего регистра и бородатого персонажа с личиной на туловище (пятый регистр колчана) выступили отправной точкой для фальсификаторов в создании отдельных копий и даже целой группы разнообразных памятников «зурванского» цикла².

¹ Накладка была приобретена музеем в 1941 году у крупнейших исследователей иранского искусства супругов Артура Поупа и Филлис Акерман. В сопроводительной документации было указано, что пластина происходит из Кух-и Дашта – окрестностей святилища Сурх-и Дум, однако Ф. Акерман позднее заявляла, что предмет был ими куплен у известного дилера Р. Рабену, а значит, он находился какое-то время в руках перекупщиков, и вся информация о его происхождении заведомо является сомнительной и противоречивой. Тем не менее, многие исследователи еще на протяжении долгого времени продолжали связывать этот и другие луристанские колчаны со святилищем [Muscarella, 1981, p. 330-331].

² Данная группа памятников получила название по главному трехголовому персонажу, который отождествляется с иранским божеством времени и пространства Зурваном.

Помимо «колчана» из музея Метрополитен, к атрибутированным научным сообществом и наиболее известным образцам относятся накладки из коллекций Жан Поля Барбье (Лувр), Назли Хираманека (Музей искусства округа Лос-Анджелеса), музея Пятидесятилетия (Брюссель) [Moorey, 1975, p. 21-27]. В том числе в Лувре хранится пластина, считающаяся верхней частью вышеуказанной накладки из музея Пятидесятилетия [Bronzes du Luristan. Enigmes de l'Iran ancien ... , 2008, p. 28, fig. 3b].

К этому списку можно также добавить исследованную автором статьи пластину, хранящуюся в Иранском национальном музее, которая, на взгляд О. Мускареллы, отличается «размытым иранским стилем» [Muscarella, 2000, p. 119]. Сцены верхнего и нижнего регистров, вызывающие сомнения у американского исследователя, обнаруживают прочные изобразительные параллели как в иранской культуре, так и культурах других древневосточных регионов. Образ лучника в колеснице – весьма распространенный сюжет в луристанском и гиланском искусстве и не уникален для данного типа предмета. Сцену охоты на оленей демонстрирует вышеупомянутый колчан из Хасанлу. Обращает на себя внимание и изображение повозки с колесами с шестью спицами, аналогичное колесницам кубка из Хасанлу и серебряного сосуда с инкрустацией из Лувра (так называемый «урмийский» кубок). Образ кабана, расположенный в этом же фризе, трактовка солярных знаков, изображенных в пространстве регистра и на бедре лошади, также вполне соответствуют местной художественной традиции. О подлинности свидетельствуют, в том числе специфически луристанский профиль лучника, очерченная область брюха копытного, заштрихованная узором «сетка», с исходящим из нее характерным отростком, высокий уровень обработки металла и качество гравировки. Наиболее дискуссионным остается рисунок божества на кошачьем хищнике нижнего регистра. Хотя иконография персонажа взаимосвязана с образом божества на леопарде, представленном на синхронной луристанской дисковидной булавке, тем не менее, его изображение можно считать редким.

К художественным особенностям колчаных накладок «ритуально-мифологической» группы относится часто используемый прием разделения «метопы» на несколько квадратов. Примером служит «колчан» из коллекции П. Давида-Вейля (Лувр). Как правило, сверху и снизу регистры обрамляет геометрический узор в ассирийском стиле – ряд квадратов с размещенными в них розетками. Каждый фрагмент – это отдельно взятый сюжет, который на первый взгляд не связан с другими, но, скорее всего, они являются эпизодами единого мифологического повествования. Необходимо отметить, что такой же принцип используется для членения пространства ряда дисковидных наверший булавок.

Таким образом, в Луристане синхронно (IX-VII вв. до н. э.) могли существовать два художественных центра по производству колчаных металлических накладок, первый из которых находился в западной части Луристана, в районе Вар Кабуда, испытывавшего влияние ассирийского искусства (раскопки Л. Ванден Берге показали, что многие предметы, обнаруженные в некрополях Вар Кабуда, несут в себе черты ассирийского искусства) [Ванден Берге, 1992, с. 36], второй – на юге провинции (район Пиш-и Кух), в окрестностях святилищ Сурх-и Дум (где было сильное воздействие эламских изобразительных традиций³) и Сангтарашан⁴. Однако ввиду отсутствия археологического контекста колчанов с ритуально-мифологическими сценами данная версия остается предварительной.

Функции пластин требуют некоторых уточнений: если образец из Вар Кабуда, несмотря на свой внушительный вес и габариты, скорее всего, использовался в военных церемониях (к тому же внутри него была обнаружена дюжина железных наконечников стрел [Haerinck, Overlaet, 2004, p. 52]),

³ Версия, что еще один художественный центр находился в районе Каср-и Ширина, автор считает несостоятельной по изложенным выше причинам, касающихся их подлинности.

⁴ Материалы святилища Сангтарашан, обнаруженного в 2004 году иранскими археологами, показали высокую концентрацию бронзового оружия (наконечников стрел, кинжалов, ножей, топоров с пальцевидными выступами на обухе и с широкой изогнутой лопастью, топоры-алебарды с лопастью в виде полумесяца, топоры-клевцы) и сосудов с шарообразным туловом и длинным открытым носиком-сливом, имеющих ритуальный характер [Malekzadeh, 2017].

А.В. Мельченко *Луристанские колчаные накладки:
исторический контекст и вопросы художественной атрибуции*

то предметы группы «Пиш-и Кух» изготавливались только в качестве посвященного храмового или же погребального подношения. На мой взгляд, колчаные накладки из музея Метрополитен и Иранского национального музея создавались для святилищ, поскольку их определенные культовые сцены связаны с обращением к божествам о благосклонности в земных делах донаторов. Например, нижняя «метопа» тегеранской накладки воспроизводит двух, предположительно, жрецов с боевыми топорами в руках в момент совершения некоего ритуала. «Жрецы» обращены к центральному бородатому персонажу, восседающему на кошачьем хищнике, который отождествляется с богиней Иштар в иконографии воительницы. Контекст и характер данной сцены, представленной на предмете военной экипировки, вызывают предположение, что он мог быть жертвоприношением воинской знати божеству в благодарность, например, за удачный исход битвы. Практика ограничения или полного лишения по функциональным свойствам орудий имела место в разных древневосточных культурах, однако, это в большей мере относится к наступательному и оборонительному оружию, но не к такому предмету как колчан. Следует добавить, что индикаторами использования оружия и военных аксессуаров исключительно в качестве votives являются их нестандартная величина, материал и изображения ритуальных сцен [Горелик, 2003, с. 10].

Таким образом, накладки колчанов ритуально-мифологического контекста точно отображают специфику луристанского искусства, заключающуюся в трансформировании вещи, в данном случае, военного назначения в объект, связанный опосредованно или напрямую с культовой практикой. В Луристане не создается, но заимствуется необходимая форма предмета, при этом в зависимости от задачи его первоначальная функция предельно нивелируется, и вещь за счет «сакрального» декора наполняется новым смыслом.

Недостаток научных образцов не позволяет на сегодняшний день сделать более точные выводы об историческом контексте и атрибуции колчаных накладок, подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании нескольких художественных центров их производства. Однако имеющиеся данные дают возможность утверждать, что луристанские «колчаны» обладают изобразительной спецификой и двойственностью функций. Для пластин характерно разделение декора на орнаментальный и фигуративный типы. Орнаментально-геометрический декор находится в русле традиций ассирийского, урартского и местного иранского искусства. В основе фигуративных изображений лежат древневосточные образы-мифологемы, ассиро-вавилонские, хурритские, эламские сюжеты и локальные религиозные мифы (орнамент по-прежнему является частью декора, однако теперь ему отводится второстепенная роль). Луристанские колчаные накладки, судя по всему, являлись ценными предметами, принадлежащими элитарным группам. Произведения группы «Пиш-и Кух», вероятно, свидетельствуют о предназначении для жреческой касты, тогда как экземпляр из Вар Кабуда был, скорее, связан с военно-политической элитой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ванден Берге Л.* Древности страны лулов / Пер. с фр. *И.Н. Медведской*. Каталог выставки: Государственный Эрмитаж. Королевский музей искусств и истории (Брюссель). – Санкт-Петербург, 1992.
2. *Горелик М.В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.) / 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Атлант, 2003.
3. *Кастеллучча М., Дан Р.* Колчаны Урартского царства // *Российская археология*. – 2016. – №3. – С. 73-83.
4. *Кононенко Е.И.* Подлинники, имитации, подделки на ближневосточном антикварном рынке // *Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока: сб. статей*. – Москва: Государственный институт искусствознания, 2014. – С. 71-93.
5. *Bronzes du Luristan. Enigmes de l'Iran ancien (III-I millénaire avant J-C)*. – Paris: Paris Musées and Musée Cernuschi, 2008.
6. *Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1969.
7. *Dumezil G.* Dieux cassites et dieux védiques: à propos d'un bronze du Luristan // *Revue hittite et asiatique*. – 1950. – Vol. 11. – Pp. 19-37.
8. *Dussaud R.* Anciens bronzes du Luristan et cultes iraniens // *Syria*. – 1949. – Т. 26. – Pp. 196-229.
9. *Ghirshman R.* Perse. Proto-iraniens, Medes, Achéménides. – Paris : Gallimard, 1963.

A.V. Melchenko *Luristan quivers' covers:*
the historical context and art attribution

10. Godard A. Les bronzes du Luristan. – Paris : Les Editions G. Van Oest, 1931.
11. Haerincx E., Overlaet B. The Iron Age III Graveyard at War Kabud, Pusht-i Kuh, Luristan (Luristan Excavation Documents, 5). – Leuven: Peeters. 2004.
12. Maleki Y. Une fouille en Luristan // Iranica antiqua. – 1964. – № 4. – Pp. 1-35.
13. Malekzadeh M., Hasanpur A., Hashemi Z. Fouilles (2005-2006) à Sangtarashan, Luristan, Iran // Iranica Antiqua. – 2017. – Vol. 52. – Pp. 61-158.
14. Moorey P.R.S. Some Elaborately decorated bronze quiver plaques made in Luristan // Iran. – 1975. – Vol. 13. – Pp. 19-29.
15. Muscarella O. Warfare at Hasanlu in the Late 9th Century B.C. // Expedition. – 1989. – Vol. 31. – Pp. 24-36.
16. Muscarella O.W. Surkh Dum at The Metropolitan Museum of Art: a Mini-Report // Journal of Field Archaeology. – 1981. – Vol. 8. – №. 3. – Pp. 327-359.
17. Muscarella O.W. The Lie Became Great: The Forgery of Ancient Near Eastern Cultures. – Groningen: Styx, 2000.
18. Negahban E.O. Marlik: The Complete Excavation Report. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1996. – Vol. 1.
19. Oates D. Excavations at Nimrud (Kalku) // Iraq. – 1961. – Vol. 23. – Pp. 1-14.
20. Pigott V. C. The Emergence of Iron Use at Hasanlu // Expedition. – 1989. – Vol. 31. – Pp. 67-78.
21. Piller C. K. Northern Iran in the Iron Age II and III: A Neighbour of Urartu? // Aramazd. – 2010. – Vol. 5. – №2. – Pp. 53-75.
22. Vanden Berghe L. Het archeologisch onderzoek naar de Bronscultuur van Luristan. Opgravingen in Pusht-i Kuh. I. Kalwali en War Kabud (1965 en 1966) / with French summary. – Brussels: Paleis der Academien, 1968.

REFERENCES

1. Bronzes du Luristan. *Enigmes de l'Iran ancien (III-I millénaire avant J-C)*. Paris, Paris Musées and Musée Cernuschi, 2008.
2. Calmeyer P. *Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah*. Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1969.
3. Castellucca M., Dan R. *Kolchany Urartskogo Tsarstva* [Quivers of Urartu]. In *Rossiyskaya archeologhia* [Russian archeology]. 2016, №3. Pp. 73-83.
4. Dumezil G. *Dieux cassites et dieux védiques: à propos d'un bronze du Luristan*. In *Revue hittite et asiatique*. Vol. 11. 1950. Pp. 19-37.
5. Dussaud R. *Anciens bronzes du Luristan et cultes iraniens*. In *Syria*. T. 26. 1949. Pp. 196-229.
6. Ghirshman R. *Perse. Proto-iraniens, Medes, Achéménides*. Paris, Gallimard, 1963.
7. Godard A. *Les bronzes du Luristan*. Paris, Les Editions G. Van Oest, 1931.
8. Gorelik M.V. *Oruzhie drevnego Vostoka (IV millenium – IV c. BC)* [Warfare of Ancient Orient (IV millenium – IV c. BC)]. Saint-Petersburg, Atlant, 2003.
9. Haerincx E., Overlaet B. *The Iron Age III Graveyard at War Kabud, Pusht-i Kuh, Luristan (Luristan Excavation Documents, 5)*. Leuven, Peeters, 2004.
10. Kononenko E.I. *Podlinniki, imitacii, poddelki na blizhnevostochnom antikvarnom rynke* [Originals, imitations, fakes in the Middle East antique market]. In *Orighinal i povtorenie. Podlinnik, replika, imitaciya v iskusstve Vostoka* [Original and repetition. Original, replica, imitation in the art of the East]. Moscow, Gosudarstvenny institut iskusstvovoznaniya, 2014. Pp. 71-93.
11. Maleki Y. *Une fouille en Luristan*. In *Iranica Antiqua*. № 4. 1964. Pp. 1-35.
12. Malekzadeh M., Hasanpur A., Hashemi Z. *Fouilles (2005-2006) à Sangtarashan, Luristan, Iran*. In *Iranica Antiqua*. Vol. 52. 2017. Pp. 61-158.
13. Moorey P.R.S. *Some Elaborately decorated bronze quiver plaques made in Luristan*. In *Iran*. Vol. 13. 1975. Pp. 19-29.
14. Muscarella O. *Warfare at Hasanlu in the Late 9th Century B.C*. In *Expedition*. Vol. 31. 1989. Pp. 24-36.
15. Muscarella O.W. *Surkh Dum at The Metropolitan Museum of Art: a Mini-Report*. In *Journal of Field Archaeology*. Vol. 8. №. 3. 1981. Pp. 327-359.
16. Muscarella O.W. *The Lie Became Great: The Forgery of Ancient Near Eastern Cultures*. Groningen, Styx, 2000.
17. Negahban E.O. *Marlik: The Complete Excavation Report*. Vol. 1. Philadelphia, University of Pennsylvania Museum, 1996.
18. Oates D. *Excavations at Nimrud (Kalku)*. In *Iraq*. Vol. 23. 1961. Pp. 1-14.
19. Pigott V.C. *The Emergence of Iron Use at Hasanlu*. In *Expedition*. Vol. 31. 1989. Pp. 67-78.
20. Piller C.K. *Northern Iran in the Iron Age II and III: A Neighbour of Urartu?* In *Aramazd*. Vol. 5. №2. 2010. Pp. 53-75.
21. Vanden Berghe L. *Drevnosti strany lurov. Katalog vystavki: Gosudarstvennyy Ermitag. Korolevsky muzey iskusstv i istorii (Brussel)* [Antiquities of the Country of Lurs. Exhibition Catalog. The State Hermitage. The Royal Museum of Fine Arts (Brussels)]. Saint-Petersburg, 1992.
22. Vanden Berghe L. *Het archeologisch onderzoek naar de Bronscultuur van Luristan. Opgravingen in Pusht-i Kuh. I. Kalwali en War Kabud (1965 en 1966) / with French summary*. Brussels, Paleis der Academien, 1968.